

Елена Ершова

РУБЕДО

RUGRAM

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е80

Ершова Е.

Е80 Рубедо / Е. Ершова. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2022. — 514 с.

ISBN 978-5-521-90866-0

Мир спасет любовь — так считают жители Авьенской империи, однажды пережившей великую эпидемию чумы. Раз в сотню лет здесь рождается Спаситель, чья жертвенная смерть предотвращает новые эпидемии и войны.

У наследного принца есть все, кроме права распоряжаться своей судьбой. Он — лишь сосуд Божественной воли.

У вдовствующей баронессы нет никого, кроме брата, обвиняемого в государственной измене. Она — отчаявшаяся женщина, готовая пойти на риск.

Каждый из них сгорает в пламени собственного безумия, еще не зная, что, лишь сгорев дотла, можно возродиться обновленным.

Но в игру вступает всесильная ложа «Рубедо», на стороне которой — могущество, страх и мракобесие, а в трущобах Авьена зреет неминуемая революция. Чтобы победить, надо поставить на карту нечто большее. Но что может быть сильнее эпидемии и смерти? Только любовь.

BIC FA
BISAC FIC000000

© Елена Ершова, текст, 2021
© Евгения Сергеева, иллюстрации, 2021
© Елена Труфанова, Мария Дубинина,
обложка, 2021
© RUGRAM, 2022
© Т8 Издательские технологии, 2022

ISBN 978-5-521-90866-0

*Ты должен сжечь себя в своем собственном пламени.
Как иначе хотел бы ты обновиться, не обратившись
сперва в пепел?*
Фридрих Ницше

ЧАСТЬ 1

НИГРЕДО

1. ВСЕ НОЧИ АВЬЕНА

Салон фрау Хаузер, Шаттенгассе

Ночные мотыльки бились о стекло и гибли. Маленькие глупые смертники.

— Закрой окно.

Его слова — нечто среднее между приказом и просьбой. Голос срывался, отблески газовых фонарей резали роговицу, портьеры качались от сквозняка, будто за ними прятался кто-то живой.

— Опасаешься слезки? — зубы Марцеллы белели. Она вся в красном, точно облита вином. — Не нужно, милый. За нами никого.

Натренированным за долгие годы нюхом Генрих чувствовал ложь, а три бокала «Блауфранкиша» делали его отчаянным и злым.

— Иди ко мне! — он больно сжал ее запястье.

Марцелла фальшиво вскрикнула и упала на покрывало, расшитое огромными цветами, красными, как ее платье или как

вино, что вязко подступало к горлу. Шуршали за окном крылья. Шуршал, опадая, шелк. С нижнего этажа доносился залихватский чардаш. Пол дрожал: в гостиной отплясывали пьяные офицеры. Дрожали стены и фонари на ветру. Генрих дрожал вместе с ними, сам не понимая, от возбуждения или нервоза.

— Снова сбежал, мой золотой мальчик?

Не ответив, Генрих соскользнул к разведенным коленям любовницы — бесконечное падение в темноту и грязь Авьенских улиц, в душные ночи, на самое дно, где его совершенно точно никто не найдет и не узнает.

— Негодный мальчишка! — переливчато простонала Марцелла. — Не-хорошо-о...

Первый лживый слог потонул в визгливом завывании скрипок, осталось лишь чистое и сладострастное «хорошо-о...», и Генрих задохнулся от остроты ощущений. Голова прояснилась, в ушах разрастался шелест, словно под черепной коробкой в гулкой пустоте порхали и разбивались мотыльки. С их крыльев осыпалась пыльца, с Генриха — кичливая позолота титулов, условностей и обязательств. Он остался голым и уязвимым, как нищий Авьенских трущоб. Площадная брань и бесстыдные, грубые ласки казались чище, чем золотая клетка, из которой он сбегал каждую ночь.

Когда Марцелла оседлала его верхом, Генрих уже не помнил, кто он и откуда, весь превращаясь в движение и огонь. Мир расходился зыбью, скрипки визжали наперебой. Кто-то тихо дышал за портьерами, и осознание, что за ним наблюдают, вышибло из горла стон. Генрих упал на подушки, разбитый и опустевший. Лицо приятно горело, внутри коченела пустота.

— Я сегодня не перестаралась, милый? — Марцелла подползла ближе, огладила грудь. Губы ее улыбочиво-красны, глаза лукавы. — Знай, я всегда рада услужить нашему Спасителю.

Генрих с трудом повернул голову:

— Я настаиваю... не называть меня так.

Во рту — пустыня. Выпить бы.

— Как скажешь, мой золотой мальчик.

Марцелла покладиста и готова принять его любым: одетым с иголки или едва стоящим на ногах... чаще всего, не стоящим вовсе. Ее любовь легко измерима в кронах и оттого проста.

Генрих высвободился из объятий и потянулся за сигарой.

— Проверь окно, — сказал он, разминая цилиндрик в пальцах и тоскуя, что не может ощутить ни шероховатости табачного листа, ни сухости — лишь гладкую кожу перчаток. Всегда только ее.

— Там никого нет.

— Это не просьба, Марци.

В голос вклинилась нотка раздражения.

Марцелла обидчиво приподняла бровь и выскользнула из-под одеяла. Желтый свет омыл нагую фигуру — высокую и стройную, уже начинающую рыхлеть. Она старше на целых восемь лет, но все еще соблазнительна. Ирония в том, что сам Генрих никогда не узнает, каково это — стареть.

Провожая любовницу настороженным взглядом, он отрезал кончик сигары, сунул ее в рот и осознал, как же иссушены губы и насколько ему нужно выпить.

— Видишь? — Марцелла откинула тяжелую занавеску.

На миг дыхание перехватило. А потом со свистом вышло из легких.

Никого.

Пусто.

Шелковые обои так же алы, как и постель, как размазанная помада на губах проститутки. Глупые мотыльки мельтешили за стеклами, где наливался искусственной желтизной зеркальный двойник Марцеллы.

Передвинув сигару в другой угол рта, Генрих встретился взглядом с собственным отражением — осунувшимся, посеревшим, с ввалившимися глазами. Рыжеватые пряди мокрыми нитками липли ко лбу. Руки невыносимо зудели.

— Теперь доволен? — голос Марцеллы, земной и ровный, вытряхнул из оцепенения. — Или мне проверить еще и под кроватью?

Генрих промолчал и принялся медленно, палец за пальцем, стягивать перчатку, открывая голую кожу ладони, изуродованную ожоговыми рубцами.

Ветер толкнул полуоткрытую раму, и отражение разломилось надвое. В разлом, привлеченный светом, впорхнул черно-коричневый бражник.

Только бабочка — и никого кроме.

«У нашего Спасителя слишком живое воображение».

Так говорил учитель Гюнтер, когда в воспитательных целях бросал маленького подопечного одного в Авьенском заказнике, посреди снегов и ночи. Так писали позже в донесениях, которые сначала ложились на стол шефу тайной полиции, потом — епископу, и уже после — его величеству кайзеру.

Генрих прикрыл глаза и щелкнул пальцами.

Искра привычно и остро пронзила ладонь. Пламя вспыхнуло и осталось дрожать на кончике ногтя.

Бражник сорвался с рамы.

— А-а!

Марцелла отскочила, вжимаясь голыми лопатками в стену.

— *Acherontia Atropos*, — рассеянно произнес Генрих. — Семейство бражников. В народе зовется «мертвая голова». Не бойся, он прилетел на огонь.

Генрих прикурил, и рот наполнился горьковатым дымом. С кровати было хорошо различимо крупное тельце и узор, действительно напоминающий череп.

Бражник бестолково кружил под потолком, издавая взволнованный писк. Люди до сих пор воображали, будто *Acherontia Atropos* приносят несчастье и насылают эпидемии, вроде той, что несколько веков назад едва не уничтожила Авьен.

— Сгинь!

С визгливым воплем Марцелла сорвала с кресла подушку, расшитую ядовито-красными цветами, и метко швырнула в бачку.

— Умри! Умри! Умри! — повторяла, методично молотя по стенам и полу. Потом, вся дрожа, уронила подушку и отступила. По шее катились крупные капли пота.

— Надеюсь, в твоей коллекции есть такой экземпляр? — виновато спросила она.

Полногрудая, бесстыдно голая, встрепанная и раскрасневшаяся, Марцелла была ослепительно хороша. Генрих почувствовал вновь разгорающееся возбуждение и стряхнул с пальца тлеющий огонек.

— Все хорошо, — безжизненно сказал он. — Иди сюда, дорогая. У нас полчаса.

Губы Марцеллы раздвинулись, показав чисто-белые зубки. Недвусмысленно качнув бедрами, она медленно приблизилась к любовнику и опустилась перед ним на колени.

— Что пожелает Спаситель теперь? — мурлыкнула, мягко оглаживая его бедра.

Генрих желал бы дотронуться до ее кожи — податливой, мягкой, прозрачно-белой, как крылья мотыльков. Но касаться ни в коем случае нельзя. Не ему. Никого. Никогда.

«Нельзя, нельзя», — пульсировал в голове далекий отголосок учителя Гюнтера, который стегал розгой каждый раз, когда Генрих пытался стянуть перчатки.

Боже, пожалуйста, еще пару бокалов!

Он выдохнул дым через ноздри — две серые длинные струйки, — процедил:

— Как обычно, Марци.

И завел руки за голову.

Особняк барона фон Штейгер, Турмштрассе

Ночь стыдливо прячет добродетели, но бесстыдно обнажает пороки.

Так любил говаривать старый барон, а уж он знал в этом толк: мезальянс вызвал осуждение в обществе, но оказался выгодным для обеих сторон. Новоиспеченная фрау фон Штейгер, в девичестве Зорева, получила полную оплату долгов ее покойного отца, а барон — невинную красавицу в свою постель.

Там и умер, земля ему пухом.

Теперь снисходительно взирал с закопченного портрета: обвисшие брыли густо засажены бакенбардами, на груди серебрятся два креста — заслуги перед кайзером и Авьеном.

У Марго чесались руки самолично содрать со стены проклятый портрет и вышвырнуть его на свалку, но бывший хозяин особняка умиротворяюще влиял на ее клиентов: одного поля ягоды.

— Значит, герр Шустер, нужны доказательства, — негромко повторила Марго, раскрывая папку. — Что ж, я предоставлю их немедленно.

Порхнули потревоженные сквозняком бумаги, Марго поймала одну и поднесла к оранжевому огоньку масляной лампы.

— Любовное послание вашей жены некоему господину Кольману.

— Позвольте посмотреть, — клиент подался вперед, подслеповато щурясь на лампу.

— Нет-нет, только из моих рук, — листок в ее пальцах затрепетал, оранжево подсвеченный изнутри.

— «...воз-люб-ленный мой, отра-да моих дней, мой свет в но-чи, — шевелил губами герр Шустер, по складам разбирая прыгающие каракули. — *Ког-да я увижу Вас? Я вспо-минаю на-шу ночь и Ваши приз-нания...*» — возмущенно вскинул голову. — Черт знает, что такое!

— Прочли? А это — ответное письмо вашей супруге.

Оранжевый свет радостно лизнул новый листок, порхнувший под нос герру Шустеру.

— «Я тружусь ночами, чтобы приехать и побыть с Вами жалкие две недели, — чеканно, почти наизусть зачитала Марго. — *По дороге увижу Каранские горы, покрытые снегом, и буду думать о снежной белизне рук моей любимой...*»

— Довольно, — прохрипел герр Шустер. Отвалившись на спинку кресла, он вытащил огромный платок и принялся оттирать покатый взмокший лоб. — Что за духота! Уф... Прикажете открыть окно!

— Оно открыто, герр Шустер, — вежливо ответила Марго, убирая записки в папку и любовно оглаживая их ладонями. Бумаги шуршали, за спиной покачивались жаккардовые шторы, сердце пело.

— И все же я не в силах поверить...

Этап отрицания никогда не длился долго, и Марго в целях экономии времени решила сократить его до минимума.

— Вы верите, герр Шустер, — с нажимом сказала она. — Иначе не обратились бы ко мне. Вы подозревали свою супругу и только нуждались в доказательствах. Я оказала услугу и предоставила их. К чему сомнения?

— Это не ее письма!

— Вы знаете, что ее. Почерк, манера, даже орфографические ошибки. Ваша супруга не очень-то владеет грамотой, не так ли?

— Она окончила пансион, — тяжело дыша, ответил герр Шустер. Его щеки и лоб обсыпали красные пятна, глаза беспокойно сновали по комнате, ненадолго задерживаясь то на папке с серебряным тиснением, то на масляной лампе — единственном источнике освещения в гостиной, то на портрете барона